

переводе, то есть согласно концепции Н.К. Гарбовского, используется «уточняющая гипогиперонимическая парафраза».

Практический анализ перевода показывает, что стремление компенсировать образность оригинала нередко может приводить к перенасыщению перевода стилистическими приемами и дополнительными комментариями. Анализ текстового материала убеждает, что преобразования художественной информации в переводе требуют более детального рассмотрения и осмысления с позиций стратегий, используемых для трансляции содержания оригинала.

Список литературы

1. *Хсиеева И.И.* Подготовка переводчика как вторичной языковой личности // Тетради переводчика.- 1999.- Вып. 24.- С. 63-72.
2. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 214 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Текст и перевод.- М.: Наука, 1988.- 165 с.
4. *Дмитриева М.М.* Семантико-прагматические и стилеобразующие характеристики экспрессивных единиц языка: автореф. дис. канд. филол. наук. - Нижний Новгород, 2000. - 16 с.
5. *Шаховский В.И.* К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала // Тетради переводчика.- 1980.- Вып. 17. - С.25-36
6. *Сальмон Л.* Теория перевода. История, наука, профессия / Пер. автора с итал. яз.- НОУ МИЭП. - СПб., 2007. - 272 с.
7. *Пиотровский Р.Г.* Лингвистические уроки машинного перевода // Вопросы языкознания. - 1985. - № 4. - С. 18-27
8. *Казакова Т. А.* Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода: автореф. дис. докт. филол. наук. - М., 1989. - 32 с.
9. *Есенберлин И.* Кешпендшер. - Алматы: Жазушы, 1 ютап -1974, 2 ктап - 1976, 3 ютап - 1976.
10. *Есенберлин И.* Кочевники.- Алматы: Жазушы, 1986.- 1 книга - 221с, 2 книга - 225 с, 3 книга - 232 с.

Т.А. Голикова

*Институт языкознания РАН
Москва (Россия)*

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ НА АЛТАЕ: МАТЕРИАЛЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Культ медведя на Алтае в исследованиях А.П. Потапова и Н.А. Алексеева [1; 2] рассматривается как культ, «восходящий своими архаическими элементами к древнейшему евразийско-американскому пласту данного культа» [2, с. 125].

По воззрениям алтайцев все звери и птицы были некогда людьми. Особенно был развит культ медведя, марала, соболя, горноста. Так, в одном из мифов рассказывается, что человеком был в прошлом и медведь. Он «...был силен, но простоват, и при этом ел так много, что семья оговаривала его. Однажды, рассердившись на упреки семьи, он отправился с веревкой в лес за дровами, но домой больше не приходил, а превратился в зверя» [3, с. 137].

Согласно другому алтайскому мифу, медведь был братом человека. Он построил большой дом до неба и сказал: «"Я построил дом и могу жить с богом". Кудай ему ответил: "Будь ты хоть зайсаном, будь и старшим среди животных и птиц, но живи под землей и пусть у тебя будет постель из моха. В зимние дни спи, а в летние дни ходи, броди". И поэтому медведь зимой спит» [4, с. 18-19].

Распространены и современные сказки о медведе: «Медведь раньше был человеком. Жили два брата и рассорились. Старший брат, обидевшись, вывернул шубу и сел; сидел,

сидел и превратился в медведя. Тот медведь пошел на пасеку, съел весь мед. Люди ему (за это) сказали: «Шесть месяцев ничего не ешь», - с тех пор медведь зимой шесть месяцев ничего не ест» [5, с. 156].

До сегодняшних дней сохранилась легенда об озере Ая: «Давным-давно в одном селении жила девушка. Однажды она пошла в лес за ягодами и вдруг в малине увидела раненого медведя. Очень испугалась девушка, но медведь смотрел на нее так жалобно, что страх девушки прошел. Пожалела она его, перевязала рану животному своим платком и стала каждый день ходить в лес навещать медведя. У этой девушки был жених, и платок, который девушка отдала медведю, подарил ей он. Стал замечать жених, что нет у его невесты подаренного им платка, стала холодна с ним его возлюбленная и отлучается очень часто в лес. Решил он проследить, зачем же девушка бывает в лесу и быстро нашел ее в обществе медведя. Не понравилось юноше, что его невеста очень ласково и нежно разговаривала с медведем. Увидел он на диком звере свой подарок - платок, и охватила юношу страшная ревность. Вскинул он ружье и застрелил хозяина леса. Обагрился медвежьей кровью платок девушки, Подняла она его, прижала к сердцу, обезумела от горя и с громким горестным криком; «А я?!», «А я?!» - побежала в лес. На пути ее встало озеро. Но девушка, вся в слезах, и не заметила его, кинулась в воду прозрачную и утонула с криком «А я?!». Давно это было, но с той поры в местах, где бежала девушка, и капала медвежья кровь с платка, растет красная ягода, а озеро называется Ая».

В алтайском героическом эпосе медведь выступает как одно из сильнейших существ, с которым приходится бороться герою. Так, второе испытание для Когюдея-Мергена: «Медведя, черного самца, / За дальнею горой найди, / К дверям аила - вместо пса - / В цепях железных приведи... [6, с. 177]. Когюдей-Мерген возвращает медведя и освобождает его, медведь говорит ему: «Когда, алып, родился ты, / Возрос в алтайской стороне, / То сердце дрогнуло во мне. / Наверное, чуяло оно, / Что встретиться нам суждено [6, с. 179].

Некоторые из алтайских родов считали своим предком медведя: комдош [7, с. 212], кара тблбс, живущие на урочище Пеле на восточном берегу, Телецкого озера [8, с. 9], некоторые тувинцы племени тулуш (толес) называли себя адыг-тулуш. Видимо, адыг 'медведь' является тотемом части тулушей, и это название табуировалось [9, с. 43].

На медведя охотились круглый год. Но когда медведь находился не в берлоге, то убивали его только при случайной встрече. Медведь в берлоге находится с ноября по март, именно в это время на него охотились коллективно. К выслеженной берлоге выезжали из дома верхом на конях, с собаками. У берлоги, вокруг входного лаза, делали из высоких кольев огораживание. Один из участников, опытный охотник, длинным шестом начинал будить, ярить медведя, другой стрелял в голову. Если же голова медведя была хорошо видна охотнику через лаз, то убивали его, не теребя шестом. Очень редко зверь мог вырваться из берлога, тогда на него спускали собак.

Кроме вышеуказанного способа теленгиты применяли и другой вид устройства на берлоге медведя: вплотную к лазу устанавливались два шеста, соединенных крестообразно. Охотники двигали верхние концы шестов, если медведь из берлоги бросался вверх, шесты смыкали и наоборот. Растревоженного зверя убивали из ружья другие охотники. Наибольшую ценность шкура медведя достигала к апрелю месяцу. Помимо ружья в более раннее время на медведя ставили самострелы [10, с. 32]. Алтайские охотники, как и якутские, не говорили вслух о предстоящей охоте, и другие узнавали об этом по характеру сборов на нее. Это было связано с алтайским поверьем о способности медведя слышать из-под земли.

Целый ряд обрядов совершался после добычи медведя. Так, алтайцы глотали, не раскусывая, сырые глаза медведя. Они объясняли этот обычай тем, что человек будет представляться медведю медведем же. Тот увидит у него внутри медвежьих глаза, а потому не тронет и даже сам будет бояться охотника. Последний же не будет бояться медведя, станет храбрым, сильным и удачливым [4, с. 60]. Язык медведя отрезали, чтобы он на том свете не назвал убивших его людей, в ухо ему шептали: «Не говори, что мы тебя убили, скажи, что

умер, свалившись с дерева или со скалы, или же объевшись орехов». Представители рода туба голову медведя зарывали под дерево вниз пастью, впоследствии она почиталась как священный объект - *эрише* [7, с. 41]. Г. Н. Потанин сообщает также, что на охоте из суеверного страха слово *айу* 'медведь' не употребляется, «...а говорят: *абагай* 'дядя' или абышка 'старик'; если назвать медведя настоящим именем, он услышит, потому что медведь *жер кулакту*» (букв, 'слушающий через землю, имеет всеслышащее ухо')» [8, IV, с. 161]. Женщины никогда не перешагивали шкуру медведя, не наступали и не садились на нее.

По верованиям алтайцев, у медведя, как и у человека, есть *кут* (душа). Он в течение трех дней после его смерти бродит по тайге. При появлении *кут* огонь в охотничьем балагане якобы гаснет, и собаки начинают тревожно лаять. Этот *кут* мог-де задушить человека. Отпугивая его, алтайцы, вернувшись в стан, стреляли в ту сторону, где они убили медведя. По пути домой они клали сзади себя поперек лыжного следа палки, чертили на снегу круги, чтобы *кут* не пришел следом [2, с. 118].

Отношение южных алтайцев к живому медведю также было почтительным. «У телеутов старики учат молодежь при встрече с медведем не сопротивляться ему, а сказать, глядя в глаза: "Ты, великий дядя, малых пугаешь, чего ищешь, ходишь, чистой дорогой своей взял бы да ходил бы"» [4, с. 41].

Кумандинцы, «сняв с убитого медведя шкуру, отрезали ему голову и перевязывали бечевкой челюсти. После чего старший из охотников делал заклинания (алган) над головой убитого медведя и вставлял ее в развилку дерева. Если не соблюсти этих действий, то, по поверью кумандинцев, душа (сюрю) убитого медведя могла преследовать охотников, не давая им покоя. Некоторые из охотников проглатывали глаза медведя. Считалось, что взгляд такого человека устроит медведя при встрече с ним» [Г[^], с. 56]. -j[^]/

Магические свойства приписывались отдельным частям тела убитого зверя, оберегающим от несчастий и способствующим выздоровлению людей от болезней. Так, Е.М. Тошаклова пишет, что «к колыбели привязывали кость рыси - *шулузинниу сдбги*, лапу медведя - *айуныу буды*... Наличие их уже само по себе исключало возможность приближения злого духа не только к колыбели ребенка, но даже к жилищу, считали алтайцы» [12, с. 40]. В качестве амулета, оберегающего от болезней, носили зубы медведя; больную голову очерчивали медвежьим когтем [1, с. 18]. Возможно, магическое значение имело и то, что одежду духа-хранителя дверей телеуты шили из шкуры медведя [13, с. 232].

Магический же характер носил обычай принесения клятвы или присяги у алтайцев, когда «клянувшийся садится на шкуру медведя и целует его в ноздри. Медведь считается карателем за преступления; если кто-нибудь оговаривает другого в какой-нибудь сумме денег и несправедливо возводит на него долг, невинный. Не умея на суде убедить судей в своей правоте, говорит: «Хорошо, я возьму в одну руку медвежью голову, а другою рукой отдам деньги, возьми!». Человек, несправедливо требующий, не решится настаивать и часто бывают случаи, что истец, начав дело, перед этой клятвой отказывается» [8, IV, с. 39]. Современные алтайские сказки «Медведь-судья», «Обида марала», «Страшный гость» и др. представляют медведя как судью, старейшину леса, зайсана, который разбирает распри всех животных [14, с. 92-93].

Алтайцы, как и другие тюркские народы Сибири, избегали называть медведя его настоящим именем *аю*, а использовали табуированные имена и эвфемизмы. Все типы наименований выявлены Н.А. Яимовой [15, с. 94-104].

Замещение названия медведя терминами родства: 1) *абаай* 'брат деда', 'дедушка'; 2) 'дядя по матери', 'родственник по матери'; 3) *таай дбддн* 'дядя по матери'; 4) *таадак* 'лслушка, дедушка по матери'; 5) *карындаш* 'младший единоутробный брат', 'младший . ^ :ич': 6) *аба* [16, с. 367] 'старший родственник'; 7) *тайганьуабазы* [16, с. 128] 'старший о:лственник. живущий в тайге'; 8) *арсыл аба* (Вербицкий, 1884, с. 26) 'хищный старший гглстзенник': 9) *улда* [16, с. 401] 'дедушка', 'дед по отцу' (ср., например, выражение: *Улда! ал пар! 'Медведь! Унеси пулю!*' [16, с. 140], букв.: 'Дедушка! Унеси подарок -тз[^]-с-е"' : :0i эш "пара", 'один из пары', 'жена'.

Как отмечает Л.П. Потапов: «Медведя нельзя называть по имени. Его всегда называют условно. Просматривая эти условные названия, легко убедиться, что почти все они идут по родственной линии, как женской - материнской, так и мужской - отцовской. Алтайцы называют медведя *абагай* - 'дядя по отцу'; тубалары говорят: *ол* 'он' или *апшак* - 'старик'; каларцы (род): *абай* - 'прадед', *улу кижжи* - 'великий человек'; телеуты: *таай* - 'дядя по матери', *абагай* - 'дядя по отцу'; шорцы: *таай* - 'дядя по матери', *улда* - 'отцов старший брат', *адалык* - 'почтенный'» [К/, с. 17]. f

Замещение терминами почтительного обращения к старшим: 1) *дббгдн* ~ *бббдн* 'старик' (почтительное обращение к старшему мужчине); 2) *бббн* 'старший', 'старик' (вежливое обращение к посторонним); 3) *брбкбн* 'старая', 'старый' (почтительное обращение к старшей женщине и старшему мужчине); 4) *апшыйак* ~ *апчыйак* ~ *апшак* 'дедушка' (употребляется также при обращении к мужу), 'старик'; 5) *улу кижжи* [16, с. 175] 'старший человек'; 6) *абышка* 'старик'.

Замещение названиями, характеризующими медведя по признаку силы, могущества, мудрости: 1) *кезер* 'силач, наиболее сильный из воинов', 'могучий богатырь огромного роста', 'сказочный богатырь'; 2) *кулук* 'известный своей силой', 'умный', 'проворный, ловкий, удалой' [16, с. 150]; 3) *бгус* ~ *оуус* - название крупного медведя; ср. выражение: *јаан бгус јуру. дежетен улус* 'огромный (сильный) ходит, говорили люди'. Слово *бгус* обозначает в алтайском языке не только быка (*бгус бука*), вола (*бгус чар*), оленя (*бгус ау*), кабана (*бгус какай*), рабочего верблюда (*бгус буура*), то есть крупного сильного самца домашнего и дикого животного, но и крупного человека; 4) *таима а*) клеймо (у алтайцев существовало несколько видов клейм: *тоскуур таима*, букв, 'корыто-клеймо', *ай гаима*, букв, 'луна-клеймо', *суулук таима*, букв, 'удила-клеймо'); б) бранное слово; в) медведь. Данное слово В. И. Вербицким приводится со следующими значениями: *тамга* ~ *таима* - 'тамга, клеймо, пятно на геле от ушиба'; 'цель, в которую стреляют, мишень, метка'; 'окаянный, проклятый' (бранное слово); *таима сал-* 'пятнать, метку положить', *таима ат-* 'в цель стрелять' [16, с. 330—332]; 5) *могус* ~ *мдиус* ~ *моиус* ~ *моос а*) 'сильный, великан' (с негативным оттенком); б) "паразит, тунеядец, дармоед"; в) миф. 'чудовище'; г) куманд. *могыс* 'проворный, ловкий'; н) *ма/алай* ~ *ма/алай* ~ *ман/алай* 'медведь-самец'. Этому слову соответствует в тувинском языке формам *ажаалай* шугл. 'медведь'; *майтак мажаалай* 'косолапый мишка' (о медведе).

Названия божеств, духов: 1) *кайракан* - в алтайском языке обозначает конкретный почитаемый объект, например, небо: *кайракон унчукты* 'божество (небо) заговорило'..., б) медведь, медвежий; 2) *алтайды ээзи*. Наиболее сильный зверь представлялся алтайцам духом-хозяином данной местности, поэтому его называют *алтайды ээзи*, букв, 'хозяин Алтая*. Слово *алтай*, вероятно, следует связывать с местом обитания зверя, то есть «-горнотаежный» в отличие от степных зверей; 3) *јердиуээзи* 'хозяин земли'; 4) *амаалдай* ~ *а.шлбай* 'огромный, важный, сильный' (о медведе). Слово употребляется также и для обозначения крупного, сильного, но простоватого человека.

Прочие названия: 1) Табуированное название медведя могло замещаться словом *аи* которое является общим названием всех зверей. Употребление данного слова в функции эвфемизма в названии медведя отличается тем, что оно обязательно должно иметь при себе определительные слова, характеризующие зверя по тем или иным свойствам, признакам. Например, вместо основного наименования медведя могли быть использованы следующие сочетания: *бараан аи* 'зверь темного цвета'; *јаан аи* 'огромный зверь'; *јеек аи* 'хищный зверь*': *јердим- кату аиы* 'дикий грозный зверь': 2) Табуированное название медведя замешалось сочетанием *аитара тон* 'вывернутая шуба'; 3) В качестве эвфемизма в названии медведя употреблялось местоимение *неме* 'некто, нечто, вещь' и сочетание *байагы неме*, букв, 'нечто, упомянутое раньше'. Слово *неме* в алтайском языке замешает не только название медведя, но и название волка.

Как показывает Н.А. Яимова, эвфемизмы в названии медведя использовались человеком главным образом для того, чтобы не дать медведю понять, что речь идет именно о нем,

ввести его в заблуждение и не рассердить. Большинство эвфемизмов является положительным по своему значению: это почтительные обращения, названия героев, эпитеты божества и т. д. Это делалось для того, чтобы медведь не рассердился, если он все-таки поймет, что речь идет о нем. В этом можно видеть некоторое психологическое противоречие эвфемизма. Данная особенность подтверждается обрядами почитания и умилоствления, которые проводятся после убийства медведя [1; 2; 11].

Список литературы

1. *Потанов Л. П.* Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. - Л., 1928. - № 2-3. - С. 15-22.
2. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 118-119.
3. *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. - М.: Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. - XIV. - 221 с.
4. *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. - Л.: Изд. АН СССР, 1929. - Т. 8. - С. 1-151.
5. Алтайский фольклор. (Материалы по чалканскому диалекту). - Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. - 216 с.
6. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. - М.: Наука, 1973. - 474 с.
7. *Суразаков С. С.* Алтай фольклор. - Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд., 1975. - 232 с.
8. *Потанин Г. П.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. - СПб., 1883. - 1026 с.
9. *Сат Ш. Ч.* Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Сов. тюркология. - 1981. - № 5. - С. 42-45.
10. *Дьяконова В. П.* Алтайцы. - Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. - 224 с.
11. *Сатлаев Ф. А.* Кумандинцы: Историко-этнографический очерк XIX - первой четверти XX века. - Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд., 1974. - 200 с.
12. *Тоцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев: (XIX - начало XX вв.) - Новосибирск: Наука, 1978. - 159 с.
13. *Ефимова А. Е.* Телеутская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов ССР. - Л.: Издание Комиссии по устройству студенческих экскурсий, 1926. - С. 225-246.
14. Медведь-судья // Танзаган - отец алтайцев. - М.: Худ. лит-ра, 1978. - 286 с.
15. *Яимова Н. А.* Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. - Горно-Алтайск: Горно-Алт. типография, 1990. - 169 с.
16. *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. - Казань, 1884. - 494 с.

О.А. Давыдова

*Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
Москва (Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ (по произведениям М.А. Шолохова)

М.А. Шолохов познакомил весь мир (в том числе и русского читателя) с самобытным миром донских казаков. Конечно, русский образованный читатель знал повесть Л.Н. Толстого «Казаки» (действие в ней происходило на Кавказе среди гребенских казаков), отдельные зарисовки из казачьей жизни давали А.С. Серафимович, Ф.И. Крюков и другие